

Последнее сочинение Дмитрия Шостаковича

Соната Дмитрия Шостаковича для альта и фортепиано — последнее, завершённое композитором сочинение... Премьера сона́ты состоялась в Ленинграде осенью прошлого года, ознаменовав впервые проводившийся по инициативе ЮНЕСКО Международный день музыки. Атмосфера Малого зала имени М. И. Глинки была особенно торжественна. Присутствовали видные музыканты Ленинграда: дирижер Евгений Моравинский — один из лучших интерпретаторов симфоний Шостаковича, композитор Борис Тищенко — один из любимейших его учеников.

Обращение Шостаковича к альту связано с многолетней дружбой композитора с участниками Квартета имени Бетховена, и в частности альтистами квартета Вадимом Борисовским и Федором Дружининым.

— Несколько раз за эти годы, — рассказывает Федор Серафимович Дружинин, — я пытался напомнить Дмитрию Дмитриевичу о том, что в огромном списке его сочинений нет произведений для альта.

— Не знаю, не знаю, Федя, надо подумать, надо подумать. — отвечал он обычно.

Однажды Шостакович присутствовал на нашей репетиции. В перерыве в дальнем углу комнаты я учил высокие по tessitura пассажи из Хроматической фантазии Баха.

— Я никогда не думал, Федя, — обратился ко мне Дмитрий Дмитриевич, — что на альте возможно сыграть этот высокий си-бемоль...

В сольной альтовой партии Тринадцатого квартета этот опыт оказался ученическим: альт «раскрыт» Шостаковичем во всех регистрах. Интерес Шостаковича к альту не оказался, и счастью, преходящим, о чем свидетельствуют, в частности, Пятнадцатый квартет с замечательным альтовым соло в Ноктюрне, и наконец, Соната для альта и фортепиано.

Весной 1975 года Федор Дружинин и Михаил Мунтян играли Дмитрию Дмитриевичу альтовую сонату Г. Фрида. На следующий день Дружинин сыграл Шостаковичу сольную

сонату М. Вайнберга. Композитор слушал с интересом.

— Я не догадывался тогда, — говорит Дружинин, — что у композитора зреет план альтовой сонаты. Узнал я о ней неожиданно. 25 июня рано утром мне позвонил Дмитрий Дмитриевич. Справился, как обычно, о здоровье — моем и моей семье, а затем тем же привычным чуть глуховатым голосом сказал: «У меня есть для Вас одно сообщение — я пишу сейчас Сонату для альта и фортепиано».

Шостакович не любил говорить о своих новых сочинениях до тех пор, пока их замысел окончательно не вызревал в его сознании. «Я пишу сонату» означало, вероятно, в устах Дмитрия Дмитриевича: «Я записываю ее»...

— Так, по сути дела, и было. Шостакович записывал сочиненную уже сонату. Он сразу же рассказал мне, что она будет трехчастной, что, хотя части и не будут иметь названий, он мыслит их как Новеллу, Скерцо и Адажио памяти великого Бетховена. Признаюсь, с того самого момента, как я узнал о сонате, я потерял покой; волнение мое росло с каждым днем. 4 июля мне стало известно, что Шостакович закончил две части Сонаты. 6 июля в трубке раздался знакомый голос: «Федя, Вы знаете, я поднатужился и написал Адажио»...

Такое Адажио — за два дня! — и при том еще, что Дмитрий Дмитриевич был нездоров. 6 августа я держал партитуру Сонаты в руках. Шостакович лежал в больнице, состояние его ухудшилось, и все-таки он завершил корректуру Сонаты. С трепетом открывал я переданную мне близкими Дмитрием Дмитриевичем нотную тетрадь в серой обложке. Не знаю, была ли в моей жизни минута более сильного переживания, чем та, когда я увидел на титульном листе Сонаты посвящение: Федору Серафимовичу Дружинину. Шостакович ода-

рил меня бесценным даром... 9 августа Шостаковича не стало.

Альтовая соната — одно из совершенных его созданий. По силе художественного воздействия она может быть сопоставлена не только с такими сочинениями Шостаковича, как Пятая симфония и Фортепианный квинтет, Десятая симфония и Пятнадцатый квартет, но и с произведениями позднего Бетховена, его последними фортепианными сонатами и квартетами. Еще в 1937 году Генрих Нейгауз подчеркивал родство Шостаковича с Бетховеном и античным искусством. Четырьмя годами позже он писал, что «в лице Шостаковича маятник истории опять качнулся в сторону классики».

Подтверждением этих мыслей стало все последующее творчество композитора, альтовая соната в частности. Соната эта классичная в самом высоком смысле. Классична, прежде всего, потому, что целое явно господствует в ней над частями, что 28 минут, отмеряемые стрелками часов, представляются слушателю сгущенными до десяти. Она классична бесконечной глубиной запечатленных в ней мыслей и чувств и мудрой простотой их выражения. И еще одно обстоятельство хочется подчеркнуть: Шостакович-человек впечатляет нас в альтовой сонате столь же сильно, как и Шостакович-художник.

В огромном, стоическом мужестве черпал он силы для борьбы с неотступным недугом; не способным поразить его дух, дух автора знаменитой Седьмой («Ленинградской») симфонии. Не подвиг ли написать на грани небытия такую музыку, как вторая часть альтовой сонаты — брызжущее весельем, бурлящее жизнью, исполненное гротеска аллегretto? Не подвиг ли уйти из жизни, «пропев» такое финальное Адажио сонаты без тени надломленности и надрыва, уйти с именем Бетховена на устах? И не есть ли эта его последняя песнь смыканием гениев Шостаковича и Бетховена в вечности...

В. ЮЗЕФОВИЧ,
кандидат искусствоведения.